ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 20 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 8 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1916 18 ФЕВРАЛЯ

Масленичный номеръ.

Рис. Ре-ми.

Кн. А. С. Суворина 20 коп. на станціяхъ ж. д.

Если кто знаетъ, когда кончится вѣчная масленица для однихъ, вѣчный постъ для другихъ, — протелефонируйте въ редакцію „Новаго Сатирикона“. Очень просимъ!

Редакція.

Рис. В. Л.

МАСЛЕНИЧНАЯ БАЛЛАДА.

Умиралъ человѣкъ подъ заборомъ,
Изъ разряда душевныхъ калѣкъ.
Съ просвѣтленнымъ и ласковымъ взоромъ
Умиралъ человѣкъ.
Красноглазый, какъ маленькій кроликъ.
Дрожь въ рукахъ... Пламенѣющій носъ.
Человѣкъ этотъ былъ — алкоголикъ,
И запой ему гибель принесъ.
Умирали вечернія тѣни.
Проходили чужіе. И вотъ,
Кто-то, трепетно вставъ на колѣни,
Лобызнулъ человѣка въ животъ.
Разомъ смолкли кругомъ разговоры;
Кто-то шляпу почтительно снялъ.
Подъѣзжали кареты, моторы;
Полицейскій въ сторонкѣ рыдалъ.
Окружили стѣною объекта
Причитаній, печали и слезъ.
Въ котелкѣ и съ сигарою нѣкто
Произнесъ:
— Для потомства мы тихую сагу
Отъ него здѣсь должны услыхать.
Я принесъ карандашъ и бумагу,
Чтобы все записать.
Смерть прекрасна. Прекраснѣе вдвое
Эта смерть, господа!
Здѣсь умретъ человѣкъ отъ за-по-я!
Это въ скверное время, когда... —
Проясненнымъ и ласковымъ взоромъ,
На далекихъ людей посмотрѣвъ,
Человѣкъ подъ заборомъ
Произнесъ нараспѣвъ:

— Благословенъ цвѣтущій злакъ.
Прекрасенъ свѣтъ, поля и горы.
Я пилъ зубровку и коньякъ,
Я пилъ перцовку и ликеры.
Цвѣтку благоухать дано.
Утѣшенъ глазъ вечерней зорькой.
Я пилъ казенное вино,
Я пиво пилъ съ англійской горькой.
Прекрасна жизнь, какъ юный богъ,
Какъ ласки жгучей одалиски.
О, дѣти! Кто изъ васъ возмогъ
Узнать хоть запахъ сода-виски?

И замолчалъ. Изъ сжатыхъ губъ
Никто не вырветъ больше слова.
И смотритъ смерть на жалкій трупъ —
Опредѣленно, не сурово.
Всѣ разошлись. Поникъ одинъ.
Поникъ другой. Поникли двое.
И вѣсть вдоль уличныхъ долинъ
Несется: нѣтъ уже героя.
И впечатлительный поэтъ,
Бродя по улицамъ тоскливо,
Поетъ навѣянный сонетъ:
— «Цвѣ-ли цвѣ-ты... Онъ вы-пилъ пи-ва...»

Звенящая слава героямъ!
И слава да будетъ вѣчна.
Страдавшіе тихимъ запоемъ,
Мы ваши несемъ имена!

А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ.
Ни сказокъ о васъ не напишутъ,
Ни пѣсенъ о васъ не споютъ...

Арк. Буховъ.

ПОЗИТИВЫ И НЕГАТИВЫ.

1. Прежде — времена буколическія.

Приглашеніе:

— Петръ Иванычъ, пожалуйте завтра къ намъ на блины...

— Ахъ, это вамъ будетъ безпокойство...

— Ну, какое тамъ безпокойство — одно удовольствіе. Блинковъ поѣдимъ съ икоркой, выпьемъ.

— Пожалуй...

— Не пожалуй, а непремѣнно ждемъ. Обидите, если не придете.

* * *

За столомъ:

— Петръ Иванычъ, еще блинковъ!

— Увольте, ей Богу, сытъ.

— Ну, еще парочку, съ зернистой.

— Что вы, довольно! Чуть не пол-тарелки икры наложили...

— Ничего, кушайте на здоровье. Коньячку или рябиновой?

— Ни того, ни другого. Ей Богу, не лѣзетъ.

— Ни-ни. И думать не смѣйте отказываться. А семга! Да вѣдь вы, разбойникъ, семги и не попробовали?

— Ей Богу, ѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, лукавите! Позвольте, я вамъ положу два кусочка...

— О, Боже! Я лопну прямо... Надѣюсь, больше ничего не будетъ?

— Уха еще и рябчики!

— Уморить вы насъ хотите, дорогой хозяинъ!

* * *

Уходъ:

— До свиданья, Петръ Иванычъ! Спасибо, что зашли.

— Теперь вы къ намъ, Семенъ Миронычъ...

— Да ужъ и не знаю, выберемся ли?

— Ну, вотъ новости! Послѣзавтра же и пріѣзжайте! Жену привозите, дѣтокъ, свояченицу и братца Николая Мироныча.

— Осторожнѣе, тутъ темно... Я вамъ посвѣчу...

— О, не безпокойтесь!

2. Теперь — собачьи времена.

Приглашеніе:

— Петръ Иванычъ, а я завтра думаю пожаловать къ вамъ на блины...

— Ахъ, это намъ будетъ такое безпокойство.

— Ну, какое тамъ безпокойство — накормите блинами и конецъ. Блинковъ поѣдимъ у васъ съ икоркой, выпьемъ.

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ?...

— А? Съ икоркой, говорю.

— Вамъ еще каменный домъ въ придачу не потребуется

ли? Хм! съ икоркой! А вы знаете, что икорка теперь 12 рублей фунтъ?

— Что вы говорите! Какъ дешево. А я думалъ 14.

— Мало, что вы думали... Для кого дешево, а для кого и не дешево...

— Такъ мы все-таки придемъ.

— Собственно, зачѣмъ?

— Да вотъ... блинковъ у васъ поѣдимъ, выпьемъ.

— Это чего жъ такого вы выпить собираетесь?

— Да что у васъ найдется. Не побрезгуемъ вашимъ хлѣбомъ-солью.

— Вода изъ водопровода у насъ найдется — вотъ, что у насъ найдется. Лучше ужъ не приходите.

— Нѣтъ, что вы, что вы! Обязательно придемъ.

* * *

За столомъ:

— Дорогой хозяинъ... еще блинковъ... Можно попросить?

— Увольте! Вѣдь, ей Богу, вы уже сыты.

— Ну, еще парочку... съ зернистой.

— Что вы дѣлаете?! Довольно! Чуть не пол-тарелки себѣ икры навалили.

— Ничего, буду кушать на здоровье. Коньячку мнѣ выпить или рябиновой?

— Ни того, ни другого. Ей Богу, вамъ уже не лѣзетъ, а вы все пьете. Не дамъ больше.

— Ни-ни. И думать не могите отказывать! А то голову сметаной вымажу. Позвольте... А семга?! Я про семгу и забылъ. Ни кусочка не попробовалъ.

— Ей Богу, вы уже ѣли.

— Нѣтъ, нѣтъ, лукавите. Позвольте, я себѣ положу два кусочка...

— Два?! А вы знаете, что каждый кусочекъ стоитъ копеекъ семьдесятъ...

— Ну, и чортъ съ нимъ, — большая бѣда, подумаешь...

— Да... для васъ бѣда не большая, потому что не вы платили. Ѣдятъ, ѣдятъ люди, ей Богу, не понимаю, какъ не лопнутъ!

— Да-а, съ вашего угощенія дѣйствительно лопнешь... Пригласили на блины, смотрѣть не на что.

— Кто васъ приглашалъ? Сами навязались.

— Еще бы! Если бы мы вашего приглашенія ждали — ноги бы съ голоду протянули.

— И протягивайте, потеря небольшая...

— Что еще будетъ, кромѣ этихъ блинишекъ?

— Ничего не будетъ.

— Какъ такъ ничего? Бульонъ же долженъ быть какой-нибудь, или уха тамъ... Дичь тоже всякая полагается...

— Достаточно и такъ дичь несли за столомъ. Ну-съ — можно вставать изъ-за стола, дорогіе гости. Дорогіе — сами понимаете почему. Въ 35 рублей обошлось ваше совершенно неумѣстное посѣщеніе.

— Господи! 35 рублей истратилъ, а ноетъ на двѣсти.

* * *

Уходъ:

— Прощайте, дорогой хозяинъ.

— То-есть, какъ это прощайте? До свиданья, а не прощайте!

— Развѣ вы думаете еще разъ насъ пригласить?

— Нѣтъ-съ, не пригласить, а я думаю самъ къ вамъ на блины пріѣхать.

— Не стоитъ.

— То-есть, какъ же это такъ не стоитъ?!... Вотъ еще новости! Небось сами ко мнѣ пришли, пили, ѣли — а мнѣ нельзя?! Завтра же и пріѣду: жену привезу, дѣтей, свояченицу и брата Николая Мироныча...

— Вы бы всю улицу еще притащили! Дворника ужъ забирайте, кухарку тоже — все равно!! Э, ч..чортъ, какая тутъ темнота на лѣстницѣ... Хозяинъ! Ты бы хоть посвѣтилъ.

— И такъ хорошо. Керосинъ-то нонѣ кусается, сами знаете.

— Да тутъ ногу еще сломаешь въ этой тьмѣ.

— И прекрасно! Туда вамъ и дорога.

— Ну, безпокойной вамъ ночи въ такомъ случаѣ...

— Всего нехорошаго!...

Собачьи времена наступаютъ, истинно говорю вамъ.

Медуза-Горгона.

ЛЮДИ, УМѢЮЩІЕ УСТРАИВАТЬСЯ.

На улицѣ.

— Вы знаете, меня сейчасъ очень тронулъ одинъ маленькій штрихъ...

— А что такое?

— Да вотъ — вы человѣкъ съ солиднымъ положеніемъ, то что называется persona-grata, а встрѣтили сейчасъ какого-то жалкаго бѣдно-одѣтаго старика и такъ низко поклонились ему, будто это князь.

— Да я, если бы это было удобно — руку бы ему поцѣловалъ.

— Что вы говорите! Какъ рѣдко можно встрѣтить теперь людей, уважающихъ старость...

— При чемъ тутъ старость. Просто этотъ старикъ — дядя Николая Семеныча Бучкина.

— Ну?!!

— А этотъ Бучкинъ — пріятель, чуть ли не на ты — съ Лучкинымъ.

— Да кто же этотъ Лучкинъ?

— Лучкинъ-то, собственно говоря, никто, но у него есть двоюродный братъ Перетятькинъ, который въ любую минуту можетъ у своего отца изъ магазина бутылку коньяку достать...

— А вы съ этимъ старикомъ знакомы?

— О, да. Коротко даже. На вы.

— Везетъ вѣдь людямъ!!

Филинъ.

ШИВОРОТЪ НА ВЫВОРОТЪ.

Изъ разсказа маринованной селедки.

— ...И понимаешь, милая моя, набилось насъ, сельдей, въ бочкѣ, какъ людей въ трамваѣ.

НАЧАЛО И КОНЕЦЪ.

Нѣкто элегически разсказывалъ:

...Началось съ того, что у меня осталась на рукахъ партія сахара въ сто тысячъ пудовъ...

— А кончилось чѣмъ?

— А осталась теперь на рукахъ партія желѣза въ десять фунтовъ.

И онъ печально звякнулъ кандалами.

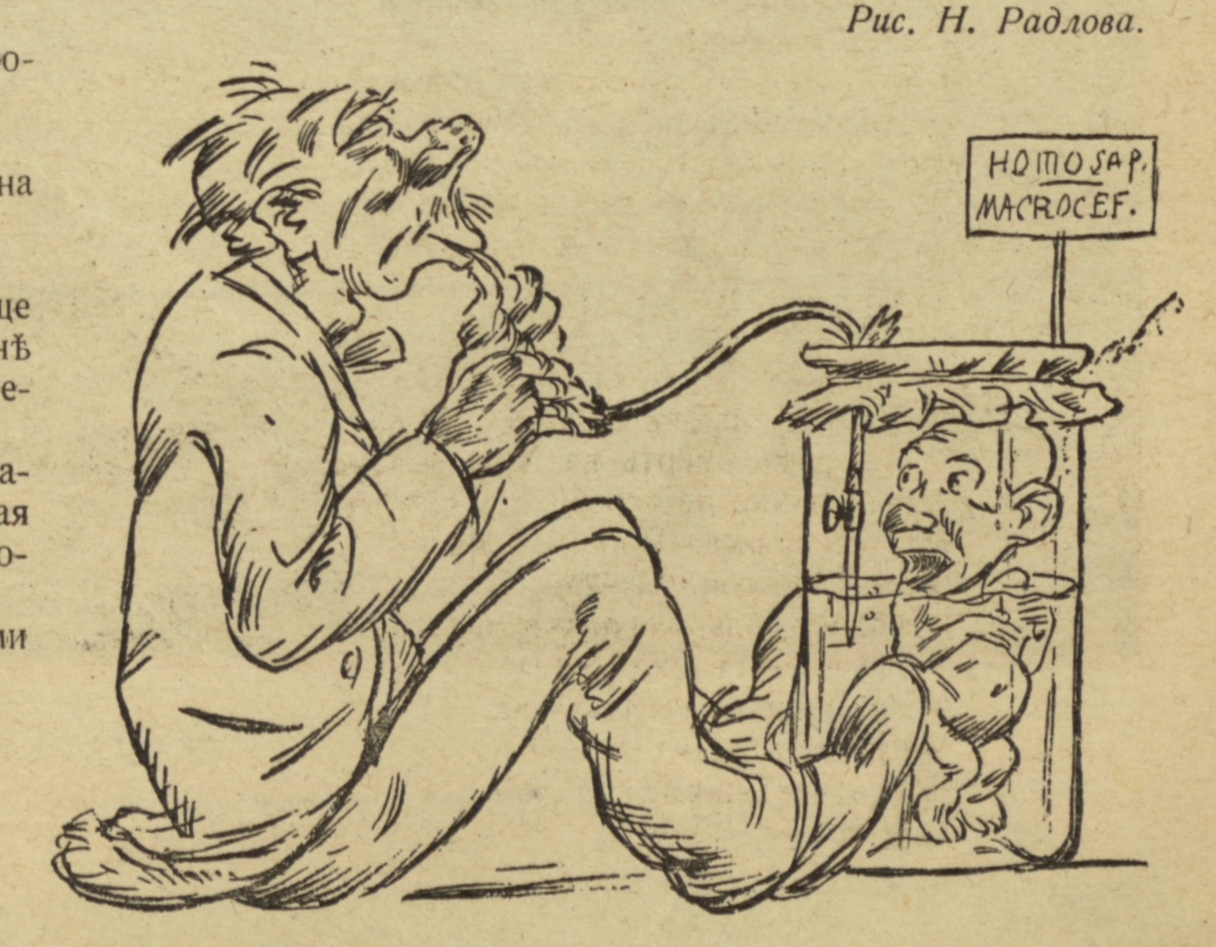
КАЛѢКА.

— Подайте человѣку, потерявшему руку...

— Что ты врешь? Да у тебя обѣ руки на мѣстѣ.

— Я не свою руку потерялъ. Невѣсты руку. Она мнѣ только вчера отказала.

Рис. Н. Радлова.



НАСТОЙКА ЭТОГО ГОДА.

ВЪ МАСКАРАДѢ.

Рис. Бориса Григорьева.

АРАБСКОЕ ИМЯ.

Онъ: — Сударыня, позвольте представиться: 347-02.

Э Й!

Михаилу Александровичу Гринкругу.

Мокрая, будто ее облизали,
Толпа.
Прокисшій воздухъ плѣсенью вѣетъ.
Эй,
Россія!
Нельзя ли
Чего по-новѣе?

Блаженъ, кто хоть разъ смогъ,
Хотя бы закрывъ глаза,
Забыть васъ, ненужныхъ, какъ насморкъ,
И трезвыхъ, какъ нарзанъ.

Вы всѣ такіе скучные, точно
Во всей вселенной нѣту Капри.
А Капри есть. Отъ сіяній цвѣточныхъ
Весь островъ, какъ женщина въ розовомъ капорѣ.

Помчимъ поѣзда къ берегамъ, а берегъ
Забудемъ, качая тѣла въ пароходахъ.
Наоткрываемъ десятки Америкъ,
Въ невѣдомыхъ полюсахъ вынѣжимъ отдыхъ.

Смотри, какой ты ловкій. А я —
Вонъ у меня рука груба какъ.
Быть можетъ, въ турнирахъ, быть можетъ, въ бояхъ
Я былъ бы самый искусный рубака.

Какъ весело, сдѣлавъ удачный ударъ,
Смотрѣть, растопырилъ ноги какъ.
И вотъ врага — гдѣ предки — туда
Отправила шпаги логика.

А послѣ, въ огнѣ раззолоченныхъ залъ,
Забывъ привычку спанья,
Всю ночь напролетъ провести, глаза
Уткнувъ въ желтоглазый коньякъ.

И, наконецъ, ощетинясь, какъ ежъ,
Съ похмельемъ придя поутру,
Невѣрной любимой грозить, что убьешь
И въ море выбросишь трупъ.

Сорвемъ ерунду пиджаковъ и манжетъ,
Крахмальныя груди раскрасимъ подъ панцырь,
Загнемъ рукоять на столовомъ ножѣ,
И будемъ всѣ, хоть на день, да испанцы.

Чтобъ всѣ, забывъ свой сѣверный умъ,
Любились, дрались, волновались!
Эй!
Человѣкъ!
Землю самоё
Зови на вальсъ

Возьми и небо заново вышей,
Новыя звѣзды придумай и выставь;
Чтобъ изступленно царапая крыши,
Въ небо карабкались души артистовъ.

Вл. Маяковскій.

ОТЪ СВЯТОСЛАВА ДО НАСЪ.

(Эволюція борьбы.)

(Раешникъ.)

...Съ татарами, съ болгарами, съ древлянами, съ хозами, иныхъ племенъ набѣгами, и часто съ печенѣгами, — съ любого бока мылимы, дралися, но не ныли мы, занѣ бысть здравье бычіе, и къ смерти безразличіе, и неглиже съ отвагою, и пѣнное — баклагою...

Была борьба съ боярами, съ подъячьими хабарами, съ веселою опричиной, излишней зуботычиной. — Не ахали, не эхали, коли въ скулу заѣхали... Боролись съ Чингисханами, съ Кучумами погаными и съ нечистію всяческой, особенно подъяческой, и съ плахами за Яузой, и съ грамотой, и съ кляузой, но все жъ, хоть и въ безправіи, а жили въ добромъ здравіи...

Боролись много съ ляхами и съ ихними монахами, съ крамолой католической, и съ туркою языческой, кипя къ ней злостью расовой, (по Гоголю) — Тарасовой...

Обласканы побѣдами, боролись мы со шведами и разъ мы ихъ со славою крошили подъ Полтавою...

И въ внутреннемъ строеніи шли въ должномъ направленіи: съ заморскими новинками, съ румяными Маринками, съ кафтанами, разстригами, да съ ересью, да съ книгами...

И все же, паче чаянья, не впали мы въ отчаянье, — учились по-малости, — что впрямь достойно жалости...

Хотя передъ Европою считалась недотепою, въ боренье погруженная, Мать-Русь завороженная, а все боролась темная, извѣчно-неуемная... Боролась, непосѣдная, съ истоковъ дней побѣдная, немудро сшита лыками: съ двѣнадцатью языками и др. Наполеонами, съ Кошутомъ, и тевтонами, съ «востошны-чиллавѣками», съ кавказскими абреками, и крыли любо-дорого унутренняго ворога...

Боролись съ Колупаевымъ, боролись съ Разуваевымъ, съ чумазой подлой братіей (что было очень кстати ей), съ большими фарисеями и съ мелкими пигмеями...

По-малости, съ «ташкентцами», потомъ съ непротивленцами, съ бомбистами, съ марксистами, боролись съ нигилистами, съ Нарымомъ, съ Предварилкою, съ Бутырской Пересылкою, а тамъ — «съ конемъ и всадникомъ», что кличется урядникомъ...

Съ союзникомъ неистовымъ, шпикомъ и вкупѣ съ приставомъ, боролись мы съ крамолою, съ Леонтьевскою школою, съ осколками татарщины, съ кошмаромъ канцелярщины и съ прочими кошмарами — не меньше, чѣмъ съ пожарами...

То время въ Летѣ скрылося, — другое народилося... Теперь пигмеемъ жалимы, пигмейски измельчали мы...

Гдѣ ты, борьба суровая?... Царитъ эпоха новая, не грозная, — желѣзная, не шумно-марсельезная... Зрятъ глазки впереди мои горя непроходимыя...

Ой, люди вы могучіе, тягучіе, дремучіе, кого теперь вы смажете? На чьемъ вы полѣ ляжете? Во чье во имя-званіе, начнете строить зданіе?...

Съ избитымъ и израненнымъ покончили мы съ Санинымъ, и съ Кузминымъ и прочими, до сальнаго охочими; покончили съ кубистами, стрекули-футуристами и школой акмеической, подъ хохотъ гомерическій...

Покончивъ съ провокаторомъ, за нимъ съ тотализаторомъ, и съ тещею безъ малаго, и съ мужемъ изъ Шувалова, и съ гнилью «Аполлоновской» и съ мудростью Бергсоновской, прикончили съ Вербицкою и съ косностью мужицкою, создавъ въ глубинахъ націи фетишъ коопераціи...

Вставайте вы, могучіе, вставайте вы, дремучіе, казанскіе, пудожскіе, скопскіе, запорожскіе, тамбовскіе, орловскіе, нарымско--озерковскіе, эй, люди богатырскіе, эй, россійскіе, сибирскіе, на бой съ змѣей стоглавою! поборемся со славою!...

Впередъ на поле бранное, въ сраженье ураганное...

За Русь съ врагомъ неистовымъ, отмѣченнымъ г. приставомъ: со складами коньячными, съ мѣстами многозлачными, съ кондукторомъ-грубятиной, съ кусакою-телятиной, съ управскою разрухою, съ извозчикомъ-Ванюхою, и съ недругомъ отечества — сословіемъ купечества, и съ дворникомъ Митрошкою, и съ халтуристомъ-мошкою, и съ нечистью болотною, оравой беззаботною...

Какъ въ прошломъ любо-дорого, любого били ворога, татаръ ли, турку ль, ляха ли по кумполу шарахали!!..

Впередъ, Мать-Русь огромная!...

Евг. Вѣнскій.

Рис. В. Л.

Рис. А. Р.

БОРЬБА СЪ РОСКОШЬЮ

— Имѣю честь рекомендоваться: дѣйствительный членъ новооткрытой петроградской лиги для борьбы съ роскошью и мотовствомъ.

— А! Дѣйствительный?

— Да-съ.

— Это хорошо, что дѣйствительный. Прошу покорнѣйше садиться...

— Куда?

— А вотъ въ это кресло.

— Въ это кресло? Ни за что. Оно вѣдь, поди, рублей пятьдесятъ стоитъ?

— 120.

— Сто двадцать?! О, Боже! Какое возмутительное мотовство! Принципіально не сяду... Я лучше, тутъ, на подоконничкѣ...

— Чѣмъ могу служить?

— Я пришелъ вамъ сказать одно только слово... Кажется, господинъ Фурсиковъ?

— Фурсиковъ.

— Одно слово: Опомнитесь, Фурсиковъ! Намъ сообщили, что вы живете роскошно и мотаете деньги безъ всякаго толку и смысла... На чемъ, напримѣръ, вы сейчасъ стоите?

— На полу.

— Нѣтъ, на коврѣ! А коверъ-то персидскій, а цѣна-то ему пятьсотъ рублей, а на коврѣ-то этомъ еще лежитъ медвѣжья шкура, тоже, поди, въ два ста ее не уберешь?

— 550.

— Я не падаю въ обморокъ отъ этой цифры только потому, что у меня крѣпкіе нервы. Эхъ, господинъ Фурсиковъ! Нуженъ вамъ этотъ коверъ? Нѣтъ, не нуженъ. Нуженъ медвѣдь? Ни для какого чорта не нуженъ. Это у васъ что за комната?

— Кабинетъ...

— Так-съ... А та?

— Столовая.

— Ну, скажите, пожалуйста... Неужели, эти двѣ комнаты нельзя соединить въ одну? Или обѣдайте въ кабинетѣ или занимайтесь въ столовой. Вѣдь два дѣла за разъ вы не будете дѣлать — обѣдать и заниматься. Значитъ — для чего же двѣ комнаты?

— Но у меня тутъ письменный столъ...

— А для чего онъ вамъ? На обѣденномъ можно заниматься... Если бумаги какія есть, документы — ихъ можно въ ящичекъ изъ-подъ макаронъ класть. Макароны скушать, а въ пустой ящичекъ прятать послѣ работы бумаги... Наконецъ — чернильница! Для чего вамъ такая огромная — съ какимъ-то орломъ, съ бронзой и мраморомъ? Прекрасно и баночка изъ-подъ горчицы служить можетъ. Горчицу скушали, а въ баночку чернилъ налили... Это что за комната?

— Спальня...

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Въ кабинетѣ есть огромный широкій диванъ, есть оттоманка, а вы еще спальню заводите. Что за мотовство?!...

— Но... у меня вѣдь жена...

— Ну, что жъ... Прекрасно на этой оттоманкѣ умѣстились бы съ женой рядомъ...

— На ней нельзя спать... Плюшъ испортится...

— А зачѣмъ плюшъ? Клеенкой обтянули и конецъ. Что за швыряніе деньгами. Лучше бы эти деньги на военныя нужды пожертвовали... О! Тамъ еще комната?

— Да... Это спальня моего брата...

— Зачѣмъ? Къ чему? Кому это нужно? Спальня! Въ томъ же кабинетѣ можно и устроиться. Вы съ женой на оттоманкѣ, братъ на диванѣ. Когда братъ раздѣвается — жена ваша выходитъ на минуту, жена раздѣвается — братъ выходитъ. Господи! Только было бы желаніе, а устроиться всегда можно...

— Но... у жены есть туалетный столикъ... его некуда тутъ поставить...

— Какъ некуда? А на вашъ письменный столъ. Такой огромный дуракъ, — неужели онъ не сможетъ сдержать этого крошки... И преудобно будетъ: жена ваша взбирается на письменный столъ (вы ее можете и подсадить) и садится за туалетный столикъ, причесываться или что она тамъ дѣлаетъ, вы у ея ногъ сидите работаете, а на другомъ концѣ стола можетъ сидѣть вашъ братъ и ѣсть въ это время колбасу...

— Нѣтъ, такъ неудобно... Жена любитъ, чтобы изъ спальни былъ ходъ прямо въ ванную...

— О, Боже милостивый! Что вы, Ротшильдъ, что ли? Зачѣмъ вамъ отдѣльная ванная? Ванну можно поставить на мѣсто этой этажерки съ бездѣлушками и отгородить ее ситцевой занавѣсочкой... Да постойте! Вѣдь тутъ, вмѣсто этого мраморнаго идіота, можно поставить керосинку... Тогда вамъ и кухни не надо... Жена будетъ жарить на керосинкѣ яичницу, братъ рубитъ, скажемъ, котлеты, а вы чистите картошку! Ни кухни, ни кухарки не надо... А экономію всю на нужды войны жертвуйте... Сколько у васъ теперь комнатъ?

— Ш... шесть...

— Ну, вотъ! А я вамъ доказываю, что одной довольно... Тѣсновато, вы думаете? А на кой дьяволъ вамъ два шкапа книгъ? Что вы ихъ всѣ сразу читаете, что ли? Вѣдь больше одной за разъ не читаете? Ну, вотъ! Запишитесь въ какую-нибудь библіотеку и берите книги, а эти продайте, а деньги на Красный Крестъ пожертвуйте... Вѣдь сердце кровью обливается, когда на васъ смотришь. Это что — жакетъ на васъ?

— Жакетъ...

— Рублей 60, поди, стоитъ.

— 140.

— Ну, вотъ! Кому это нужно?! Взяла бы жена и сшила сама изъ трико по три двадцать аршинъ; и прочно и хорошо. Пальто, вонъ, я ваше въ передней видѣлъ. Почему на мѣху? Можно и въ весеннемъ проходить зиму, а ежели холодно, то не ѣздить на извозчикахъ или тамъ на трамваяхъ, а просто бѣжать по улицѣ. И экономія времени, и согрѣешься... А это пальто спустить надо, а денежки на шитье противогазовъ пожертвовать. Гм... да! Позвольте, г. Фурсиковъ... Почему же вы плачете?

— О, г. дѣйствительный членъ петроградской лиги для борьбы съ роскошью и мотовствомъ! Вы такъ хорошо говорили, такъ убѣдили и меня, и жену мою, и брата, что мы рѣшили во всемъ и вездѣ слѣдовать тѣмъ принципамъ, съ которыми сейчасъ познакомились...

— Гм... Ну, да... Я очень радъ... гм!... Очень. Утрите слезы. Еще не все потеряно... Прощайте, г. Фурсиковъ, прощайте, мадамъ. А гдѣ же вашъ братецъ?

— А онъ тутъ побѣжалъ въ одно мѣсто... А, вотъ онъ! Вернулся.

— Прощайте, господа... Это что у васъ, передняя? Ну зачѣмъ такая большая передняя... Все верхнее платье можно вѣшать въ кабинетѣ, около ванны... А экономію пожертвовать на нужды... гм! Гдѣ же мое пальто?

— Вотъ оно.

— Это не мое. У меня было съ бобровымъ воротникомъ, новое...

— Нѣтъ, это ваше. Это ничего, что оно старенькое и безъ воротника. Если вамъ будетъ холодно — можете бѣжать...

— Гдѣ мое пальто?!!

— Вотъ оно. Не кричите. А то, которое было вашимъ, мой братъ успѣлъ заложить за 300 рублей въ ломбардъ, а деньги внесъ на Красный Крестъ... Вотъ и квитанція. Простите, г. членъ для борьбы съ роскошью, но вы такъ хорошо

говорили, что мой братъ не могъ сдержать порыва... Всего хорошаго... Позвольте, господинъ!... Квитанцію забыли захватить...

— Ушелъ... Обидѣлся, что ли, не понимаю... И на что бы, кажется?

Маркъ Васильевъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

По поводу произведеній молодого писателя, К. Тренева, критикъ газеты „Ростовская Рѣчь" очень тонко замѣчаетъ:

Въ каждомъ человѣкѣ живетъ спящій царевичъ, нужно только разбудить его, нужно прикоснуться къ спящей въ немъ скрипкѣ...

Однимъ словомъ, человѣкъ, по опредѣленію ростовскаго критика, напоминаетъ складное пасхальное яйцо: въ человѣкѣ — царевичъ, въ царевичѣ скрипка, въ скрипкѣ смычекъ, а въ смычкѣ волосъ, который способенъ стать дыбомъ отъ такой философіи...

*

Нѣсколько времени тому назадъ всѣ газеты пестрѣли объявленіями о какомъ-то средствѣ отъ безсилія; объявленія начинались крупной строкой:

— Абрамовичъ намъ говоритъ...

И дальше было объявленіе — что именно говоритъ Абрамовичъ.

Недавно Абрамовича — этого или другого, неизвѣстно — всякій могъ слушать лично.

Именно — критикъ Абрамовичъ читалъ лекцію объ упадкѣ русской литературы...

„Абрамовичъ намъ говоритъ".

Скверно говорилъ Абрамовичъ на лекціи — скучно, безграмотно, надоѣдливо..

У того, другого Абрамовича, по крайней мѣрѣ, было средство отъ безсилія.

А для этого, второго Н. Я. Абрамовича никакихъ средствъ нѣтъ.

Единственное его спасеніе, это — что теперь бойкое время: если даже департаментскій сторожъ Михѣичъ вскарабкается на эстраду и прочтетъ лекцію о русской поэзіи, то слушатели и для этой лекціи найдутся.

*

О томъ, же критикѣ другой критикъ, (этотъ, наоборотъ, умный) Петръ Пильскій, пишетъ:

Г. Абрамовичъ возмущенъ. Съ удивленіемъ, не покидавшимъ его, впрочемъ, во всѣ тѣ короткіе полтора часа, въ которые онъ докучалъ публикѣ, онъ недовольно сѣтовалъ, разводя руками, на то, что сюда, въ ресторанъ, эти люди несли свою неутоленную жажду протеста, распаленный индивидуализмъ и голодные желудки, будто въ ресторанъ нужно приходить сытымъ. Колеблемый вѣтромъ пустыхъ словъ, что-то смутно припоминая, ловя ускользающую мысль, переминаясь съ ноги на ногу, онъ все время, не то извиняясь, не то обезсиливая, пробовалъ поймать пятью пальцами правой руки какой-то призракъ и все старался, все тщился его „зафиксировать".

„Хочу, — говоритъ, — зафиксировать мою мысль". И черезъ минуту опять: „Мы должны зафиксировать". И опять: „Необходимо зафиксировать". Но какъ ни старался, какъ ни было это необходимо и нужно — „зафиксировать" такъ-таки ничего и не удалось. Былъ ясенъ гнѣвъ голаго человѣка, безъ какой бы то ни было опредѣленной идеи, безъ багажа, не только безъ знанія, но и безъ всякаго пониманія взобравшагося на каѳедру и жалко и безпомощно лепечущаго въ полупросительномъ безпомощномъ тонѣ утопающаго.

„Абрамовичъ намъ говоритъ"...

Плохо говоритъ Абрамовичъ.

*

Вадимъ Шершеневичъ выпустилъ въ свѣтъ „монологическую драму" — „Быстрь"...

Что это за кушанье — видно изъ перечисленія дѣйствующихъ лицъ.

Дѣйствующія лица: *„Сандвичи, газетчики, толпа, пожары, шумъ, гулъ, звуки, пожарные автоматы, дома, нарядъ Арміи Безопасности, голова Лирика, думы Лирика, моторъ, кусающій Лирика, предметы, аэропланы, моторы, небоскребы, комоды, кровати, динамомашины, вывѣски, крыши, Аэро, жандармскіе аэропланы, рекламы, домъ съ незакрытой стѣной, улица, площадь, пожарная автомобилья, тэфъ-тэфъ похороннаго бюро, гробъ, трупъ, башенные часы, стрѣлки часовъ, моторъ, ворвавшійся въ небо, обрушившійся домъ, мотоциклы, вопли, огни кинематографа".*

Ремарки очень просты и для постановки „монологической драмы" затрудненія не представляютъ.

Напримѣръ:

„Съ противоположнаго тротуара спрыгиваетъ домъ и пробирается сквозь гущу движенія послушать Лирика. Какой-то трамвай въ бѣшенствѣ сталъ на дыбы. Лирикъ ловитъ у себя на ногѣ моторъ, который кусалъ его. Предметы собираются и слушаютъ его. Аэропланы птичьей стаей кружатся около его головы; нѣкоторые, болѣе довѣрчивые, садятся на его голову".

Монологическая драма и написана, вѣроятно, непосредственно послѣ того, какъ довѣрчивый аэропланъ сѣлъ съ размаху на голову автора.

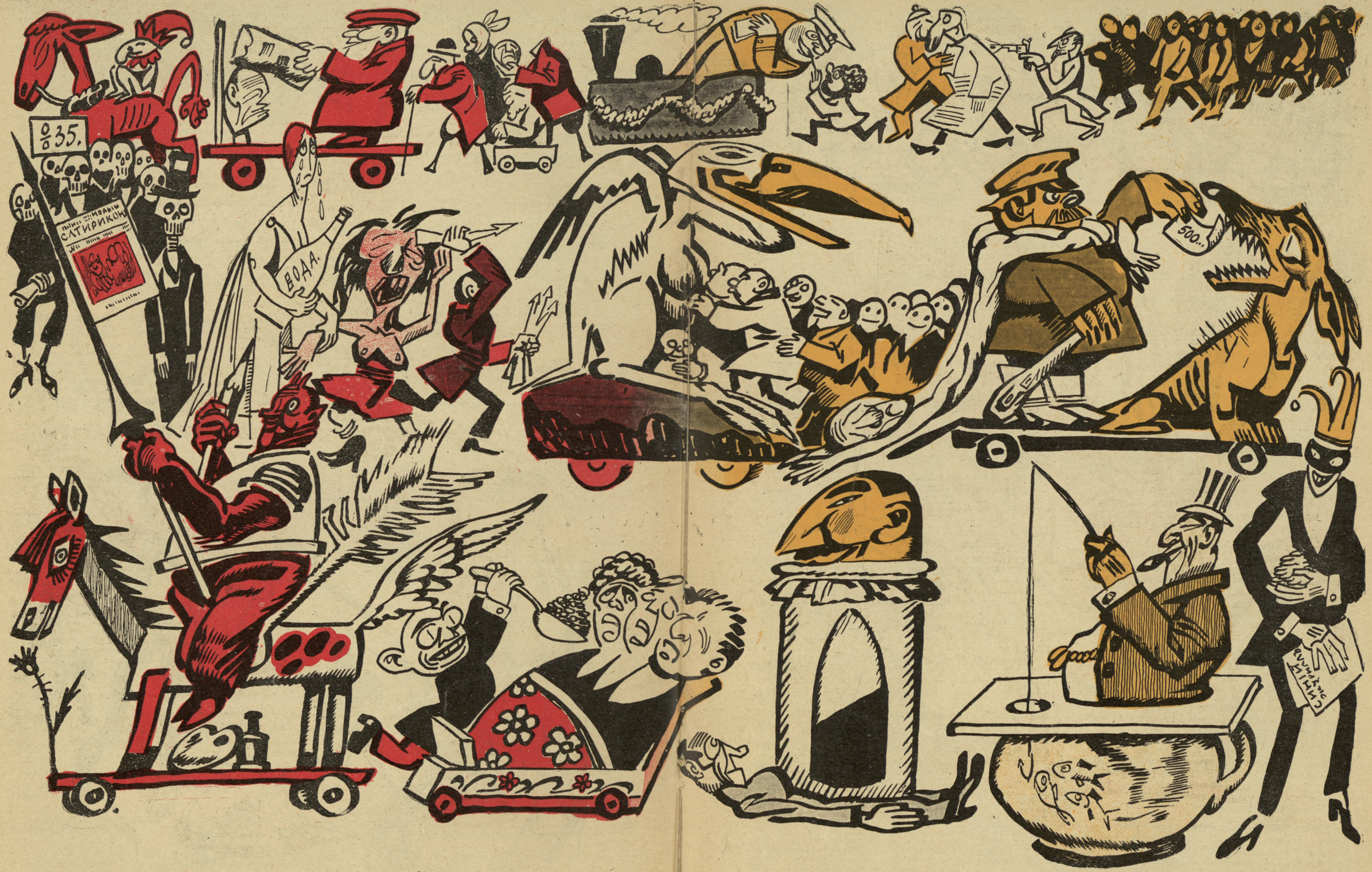
Рис. В. Лебедева.

Долго думалъ Псюкинъ, какой бы ему костюмъ на Масленицѣ надѣть: чтобы костюмъ былъ дешевъ и чтобы Псюкина никто не узналъ. Пошелъ Псюкинъ къ мяснику, купилъ себѣ фунтъ филея, мясникъ съ Псюкина за это живо шкуру содралъ.

— Дешево и сердито! — сказалъ Псюкинъ и поѣхалъ къ знакомымъ французамъ на вечеръ.

Увы, его сейчасъ же узнали. „А вотъ и русскій обыватель пришелъ!"—воскликнули иностранцы при видѣ Псюкина

Рис. А. Радакова.



КАРНАВАЛЬНОЕ ШЕСТВІЕ.

Читатель! Впереди видишь ты самого „Сатирикона", въ костюмѣ благороднаго безумца Донъ-Кишота, ибо только „безумство храбрыхъ" и поддерживаетъ его въ борьбѣ съ цензурными мельницами. Онъ, какъ видишь, влечетъ за собою своихъ вѣрныхъ Санхо-Пансовъ, сотрудниковъ. Лица у сныхъ сотрудниковъ скорбныя, ибо они размышляютъ, вотъ уже 8 лѣтъ, почему икра осетровая зѣло вкусная, а цензорская зѣло невкусная, хотя и стоитъ во много разъ дороже!? За ними герой сезона „Сахаръ въ банкѣ", спрятанный туда изъ человѣколюбія, чтобы всякій обыватель, подойдя къ банкѣ со стаканомъ чая, могъ пить въ приглядку. За нимъ гордо выступаетъ ловецъ въ мутной водѣ всякой всячины; далѣе, идетъ тотъ, кому отданы мы, обыватели, на съѣденіе — Толстосумъ Колупаевичъ! Покрывъ жирныя плечи свои шкурой ближняго, прикармливаетъ онъ „таксу", превращая ее въ свою собачонку. А за нимъ шествуетъ взятка, прочное гнѣздо себѣ свившая, гостепріимно предлагающая грудь свою для желающихъ. Сзади бѣжитъ журналистъ-глупышка, который напрасно тщится пробить шкуру взятки газетными стрѣлами. А вотъ толь давно не жившая на Руси Трезвость со своей незаконной дочерью, „Ханжой". О, сколь сіе въ россійскомъ духѣ, читатель! А вотъ и антрепренеры театровъ, обложенные налогомъ. Идутъ эти горюны предлагать себя въ театръ, только анатомическій. Далѣе, голова бѣднаго обывателя, съ которой всякій можетъ все дѣлать, что хочетъ. А еще подалѣе, люди, славословящіе петроградскій трамвай и автомобильное движеніе. А это инженеръ ѣдетъ на паровозѣ, а его подмазываютъ, а для какой это цѣли — намъ не вѣдомо. „Новое Время", плѣненное іудеями, бредетъ старческимъ шагомъ. А Алексѣй Суворинъ пули въ него пускаетъ, отливъ ихъ въ редакціи „Маленькой Газеты". А сзади, радостно ликующіе, смѣющіеся, пляшущіе, идутъ россійскіе обыватели.

Читатель! Не правда ли, веселъ русскій карнавалъ!? И то сказать, не въ одной же Ниццѣ быть веселью.

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ.

Маруся отравилась — ахъ, несчастье какое!
Такая молодая — едва семнадцать лѣтъ;
Смѣялась, шутила, и вотъ, въ пріемномъ покоѣ —
Ей Богу, не вѣрится, что Маруси нѣтъ!

Если бы знать! Да и, наконецъ, вразумишь ли?
Значитъ, у жизни оборвались всѣ дороги-пути...
Весеннимъ вечеромъ изъ типографіи наборщицы вышли
И въ Народный домъ сговаривались идти...

Душный воздухъ... Дѣвушкамъ хотѣлось на дачу,
Къ водѣ, къ деревьямъ, къ свѣжести тянуло ихъ;
Извозчикъ на углу остановилъ бѣлесую клячу,
Гремѣлъ на всю улицу, и неожиданно какъ-то затихъ...

А и правда, маёвку не устроить ли, въ самомъ дѣлѣ,
Чтобы скучная жизнь не такъ нудно ползла —
Катя въ Парголово ѣздила на прошлой недѣлѣ,
Въ лодкѣ каталась, бѣлыхъ лилій букетъ привезла.

Взять конфетъ бы, закусокъ разныхъ и булокъ,
Было бы недурно и сладкимъ побаловаться винцомъ...
Обгоняя другъ друга, дѣвушки свернули въ переулокъ —
Смотрятъ: Маруся лежитъ, въ панель уткнувшись лицомъ.

Что такое случилось? Господи Боже!...
Отравилась, кажется? — Ну, такъ вѣдь оно и есть...
Неужели, Васька оказался жизни дороже?
Неужели, измѣны Васькиной не могла она перенесть?...

Опять загромыхалъ извозчикъ по мощеной дорогѣ,
Положили Марусю въ пролетку, какъ пьяную — поперекъ —
Выдавались далеко и нелѣпо болтались ноги,
Въ новыхъ ботинкахъ — обновка-то не пошла впрокъ...

Лежитъ Маруся въ больничной палатѣ,
Доктора обязательно бѣдняжку хотѣли спасти,
Ухаживала за ней сестра въ бѣломъ халатѣ,
Кто-то плакалъ у ногъ Марусиныхъ и шепталъ: «Прости!»

Стоя на колѣняхъ, плакалъ Васька-гуляка,
Но жить не хотѣла Маруся, и никто не могъ ей помочь.
На ея лицо буквы чернаго знака
Смерть положила въ эту же самую ночь.

Ваську въ себя привести сколько понадобилось усилій...
Любилъ Марусю — съ Нюткой-то ради форсу только гулялъ.

Не берегъ ты милую свою, дуракъ Василій,
А теперь, какъ говорится, ужъ — конченъ балъ.

Пришлось позаботиться подругамъ, Катѣ и Олѣ:
Сшили — впередъ иголку — на Марусю подвѣнечный нарядъ,
Всѣ люди узнали про Марусину тяжелую долю,
Пѣсню сложили и теперь поютъ на печальный ладъ.

Вотъ и сейчасъ за окномъ тянетъ шарманщикъ:
— «Маруся отравилась, въ больницу повезутъ» —
Бѣдная дѣвушка! Бѣдный Васька-обманщикъ...
Дождь моросить, по стекламъ капли ползутъ.

Валентинъ Горянскій.

ТОПСИ.

Я привыкъ къ тому, что Топси все теряетъ. Потери Топси меня не огорчаютъ. Меня огорчаетъ ея огорченіе.

Говорятъ: «на роду написано». У Топси на роду написано: «ты будешь терять, Топси». И она теряетъ.

У Топси очень тонкая духовная организація. Невидимыя нити связываютъ ее съ потустороннимъ міромъ. У нея бываютъ предчувствія и предвидѣнія. Она иногда знаетъ впередъ, что потеряетъ, только не знаетъ, что̀ и гдѣ.

Когда она возвращается домой, — а она возвращается обыкновенно поздно, къ обѣду, — я цѣлую ее въ лобикъ и спрашиваю:

— Потеряла муфту?

Она смотритъ на меня своими большими дѣтскими глазами и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, сумку.

Иногда, когда она опаздываетъ къ обѣду, я звоню въ сыскную полицію:

— Это сыскное? Примите, пожалуйста, заявленіе. Моя жена потеряла сегодня серьгу, стоящую 400 рублей.

И очень рѣдко приходится потомъ отзванивать:

— Извините. Серьга нашлась.

Большею частью приходится дозванивать:

— А также и вторую серьгу, тоже 400 рублей.

Когда Топси нечего терять, она теряетъ терпѣніе, и тогда она становится невыносимой Топси.

Такой злой и несправедливой.

Тогда мы отправляемся съ нею по магазинамъ. Она покупаетъ и теряетъ. Я плачу и подбираю.

Два года назадъ у насъ была съ Топси пренепріятная исторія. Она ушла отъ меня. Собственно говоря, я и сейчасъ не понимаю, почему она тогда ушла отъ меня? Вѣрнѣе всего, она просто потеряла меня, какъ все теряетъ. Я нашелъ ее на слѣдующій день въ Асторіи. Она оказалась у Николая Званцева.

Я нашелъ ее по слѣдамъ, какъ слѣдопытъ.

Около нашего подъѣзда, шага два направо, я нашелъ ея перчатку. Ясно было, что Топси пошла направо, по направленію къ Литейному. На углу нашей Захарьевской и Литейнаго валялась ея вуаль, и по положенію этой вуали было ясно, что она взяла курсъ по направленію къ Невскому. Около кондитерской des Gourmets лежала маленькая Топсина сумочка, которую я подарилъ ей ко дню ея рожденія. Она пошла вверхъ по Невскому, по направленію къ Адмиралтейству. На углу Морской изъ снѣга выглядывала бѣлая горжетка Топси. На порогѣ Асторіи я нашелъ Топсинъ гранатовый браслетъ, въ залѣ — Николая Званцева, а около Николая Званцева — самое Топси.

Она лежала... т. е., она сидѣла сейчасъ за нимъ, — ну въ двухъ шагахъ отъ него.

Я закричалъ:

— Топси!

— Нашелъ? — сказала она. — Какъ ты меня нашелъ? Ты заявилъ въ сыскное?

Что я могъ заявить въ сыскное? Что она потеряла меня или что я потерялъ ее?

Я взялъ моторъ и привезъ Топси домой. Въ моторѣ она потеряла мѣхъ. Николай Званцевъ скрылся изъ виду. Должно быть, она потеряла его.

* * *

Съ тѣхъ поръ мы живемъ мирно. Топси теряетъ, но потери Топси не огорчаютъ меня. Меня огорчаетъ ея огорченіе. Вчера она была очень раздосадована. Бѣдняжка потеряла корсетъ и чулокъ съ правой ноги.

Я махнулъ рукой. Не стоитъ и заявлять въ сыскное.

Влад. Азовъ.

ТАМЪ ВНУТРИ.

Огромная толпа. Уже трудно проѣхать.

Приближается похоронная процессія. Распорядитель кричитъ:

— Господа, дайте дорогу покойнику, дайте дорогу!... Смеркается, опоздаемъ на кладбище...

Толпа не шевелится. Кто-то говоритъ хрипло:

— На кладбище всегда поспѣешь...

Процессія съ трудомъ протискивается черезъ толпу.

Съ бѣшенымъ ревомъ несется на толпу автомобиль. Шофферъ рычитъ, свиститъ, трубитъ въ рожокъ...

Толпа стоитъ.

Съ морскими ругательствами тормозитъ шофферъ и ласково начинаетъ переговоры.

Толпа молчитъ и растетъ, растетъ...

— Умываю руки!... — кричитъ шофферъ и даетъ полный ходъ.

Толпа шарахнулась, оставивъ нѣсколько труповъ. И тотчасъ ихъ намоталъ на свои чудовищныя колеса налетѣвшій внезапно грузовикъ и умчалъ въ загадочную даль.

Толпа увеличивается и жадно ждетъ. До переутомленія работаютъ карманники. Двое остановились передохнуть, закурили.

Пожилой карманникъ. Вотъ подойдетъ вагонъ, тамъ внутри хорррошая работка будетъ...

Молодой карманникъ (задумчиво). Тамъ внутри... Это изъ трилогіи Метерлинка: «Слѣпые», «Непрошенная», «Тамъ внутри»...

Пожилой карманникъ (захохотавъ). Тамъ внутри слѣпые, а мы — непрошенные...

Молодой карманникъ. Да, тамъ внутри вѣрятъ, что благополучно доѣдутъ съ кошельками, часами, портсигарами... И не подозрѣваютъ, слѣпцы, что съ каждымъ біеніемъ своего сердца они приближаются къ перекрестку, гдѣ ждутъ ихъ непрошенные... (Вздохнувъ.) Ахъ, какъ загадочна жизнь!...

Пожилой карманникъ. Да, она-таки загадочна, а еще болѣе загадоченъ онъ, вонъ тотъ въ котелкѣ... Клянусь итальянцемъ, укравшимъ Джіоконду, что это шпикъ...

Молодой карманникъ. Онъ слѣдитъ за Манькой...

Пожилой карманникъ (радостно). Вагонъ!...

Подходитъ вагонъ.

Хриплые крики, рыданія, проклятія... Мелькаютъ звѣрскія, потныя лица, зонты, палки... Кого-то бьютъ ногами...

А мимо мчатся грузовики и наматываютъ на свои страшныя колеса тѣла упавшихъ.

Сильно пахнетъ полиціей.

Вагонъ отходитъ.

Карманники тамъ, внутри.

В. Черній.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Чутье философа.

Нѣмецъ Ницше говоритъ о нѣмцахъ, вообще — просто и мило. Вотъ его мнѣнія о нѣмцахъ въ дружескихъ письмахъ:

Георгу Брандесу: „Что вы думаете о современныхъ Германцахъ? Мнѣ кажется, что они съ каждымъ днемъ тупѣютъ in rebus psychologicis, въ противность парижанамъ„. Петеру Гарбу: „Германія для меня не существуетъ". Своему другу Родэ: „Я чрезвычайно озабоченъ будущимъ Германіи. Я чувствую въ ней замаскированное средневѣковье. Ей надо избавиться отъ рокового вліянія Пруссіи". Герсдорфу въ 1871 г. онъ пишетъ. „Я считаю, что современная Пруссія является силою, весьма угрожающей культурѣ", Зейдлицу въ 1888 году: „За послѣднія 15 лѣтъ Германія превратилась въ настоящую школу прогрессирующаго огрубѣнія. Я не могу уважать современной Германіи: она являетъ сейчасъ образчикъ самаго глупаго, самаго испорченнаго, лживаго ума, когда-либо существовавшаго". И дальше: „Нѣмцы, сознаюсь, мои враги, я презираю ихъ низкій образъ мысли."

Мы люди безпристрастные... Поэтому, смѣшно было бы намъ спорить съ такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ Ницше...

Рис. В. Л.

Торговая сдѣлка.

Лихорадка спекуляціи все растетъ и растетъ, захватывая самые разнообразные сорта товаровъ въ свои грязныя лапы. Газеты сообщаютъ:

Одинъ луганскій купецъ продалъ въ пьяномъ видѣ пріятелю свою жену на вѣсъ, при чемъ взялъ по 23 копейки за фунтъ. Жена вѣсила 3 пуда 12 фунтовъ.

Единственное спасеніе жены въ томъ, что ее продали оптомъ въ однѣ руки. Каково было бы положеніе несчастной, если бы мужъ пустилъ ее въ продажу розничнo, по фунтамъ.

Впрочемъ, если бы поступилъ въ продажу самъ мужъ, то едва ли бы кто-нибудь заплатилъ даже по 23 копейки за фунтъ этой купцовины. Потому что испорченная, пропитанная спиртомъ говядина никому не нужна.

Кошмаръ.

Вѣроятно, впервые на нашей грѣшной землѣ было издано такое „обязательное постановленіе". Издалъ его мэръ общины Буафоръ подъ Брюсселемъ.

Видимо доведенная до отчаянія германскимъ режимомъ бельгійская власть считаетъ себя вынужденною объявить населенію:

§ 1. Воспрещается кончать счеты съ жизнью при помощи огнестрѣльнаго оружія, потому что Нѣмцы подвергаютъ бельгійскія комуны громаднымъ штрафамъ за каждый случай, когда бываетъ доказана наличность оружія у населенія.

§ 2. Если кому-нибудь непреоборимо хочется перейти въ другой міръ, то онъ можетъ утопиться или повѣситься.

§ 3. Комунальное управленіе предпочитаетъ, чтобы самоубійцы прибѣгали къ повѣшенію, такъ какъ изъ пруда, находящагося на територіи комуны, поятъ скотъ.

§ 4. Раньше чѣмъ вѣшаться, рекомендуется подумать о томъ, что Бельгія еще нуждается въ населеніи и что странѣ предстоятъ еще свѣтлые дни.

Морозъ подираетъ по кожѣ отъ этого дѣлового тона, которымъ, собственно, говорится прямо и просто: лучше не стрѣляйтесь, граждане, а вѣшайтесь, ибо утопленники своими тѣлами портятъ воду.

Сейчасъ говорятъ:

— Бѣдная Бельгія

А черезъ годъ скажутъ:

— Бѣдная Германія.

Потому что всѣ получатъ по заслугамъ.

Званіе.

Гордиться дурнымъ прошлымъ, да еще печатно — очевидно, не принято.

„Бирж. Вѣд." передаютъ, что назначенная на 2 февраля лекція шлиссельбуржца Морозова отложена, такъ какъ устроитель лекціи Меклеръ подвергнутъ аресту на 3 мѣсяца за напечатаніе на афишѣ слова „шлиссельбуржецъ".

Очевидно, это было истолковано не какъ званіе, а какъ профессія...

Веревочка? Давай сюда и веревочку.

Можно подумать, что гоголевскій Осипъ съ его утилизаціей обрывка веревочки родился и выросъ въ Германіи:

АННМАССЪ. 3 февраля. Въ Германіи предписано произвести реквизицію мѣдныхъ значковъ объ уплатѣ налога на собакъ съ замѣной ихъ желѣзными.

Гораздо проще: отдѣлить собаку отъ значка, собаку съѣсть, а изъ значка сдѣлать пулю.

При такомъ способѣ ни одинъ атомъ не пропадетъ.

Ritter von Pavlow.

Знаменитый „дворянинъ Павловъ" дѣлаетъ карьеру.

Онъ можетъ получить теплое мѣсто... Въ Германіи.

„Утро Россіи" пишетъ:

Передъ нами послѣдній полученный въ Москвѣ номеръ издающейся въ Швейцаріи на нѣмецкомъ языкѣ газеты „Berner Tageblatt". Выходитъ эта газета въ нейтральномъ Бернѣ, но политическій обликъ ея таковъ, будто она выходитъ въ Берлинѣ.

Очередная передовая статья этой германо-швейцарской газеты озаглавлена: „Русскіе голоса о мирѣ" и посвящена статьямъ „дворянина Павлова" въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"...

Смыслъ павловскихъ статей „Berner Tageblatt" передаетъ въ слѣдующей формѣ:

„Было бы гораздо желательнѣе, чтобы побѣдила Германія, чѣмъ появленіе у власти прогрессистовъ, такъ какъ нынѣшняя война — результатъ ихъ панславистскихъ происковъ. Война съ Германіей была, вообще, по мнѣнію Павлова и всѣхъ правыхъ, недопустима. Царской Россіи надлежало бы искать дружбы Германіи и быть ей благодарной за то, что въ смутные 1905—1906 годы она выразила готовность ввести въ Россію свои войска, чтобы придти русскому правительству на помощь въ борьбѣ его съ революціей".

Бернская газета поясняетъ, кто такой Павловъ. „Это — извѣстный лидеръ дворянской партіи въ Россіи".

Очень милая рекомендація для дворянской партіи... Мы бы на мѣстѣ дворянской партіи стащили дворянина Павлова къ мировому, а потомъ пошли бы домой и зарылись головой въ подушку отъ стыда...

Такъ называемый бессарабскій способъ.

Платить по векселямъ существуютъ разные способы.

Самый любопытный, по-нашему, способъ — это бессарабскій:

Изъ Кишинева въ Каушаны пріѣхалъ повѣренный Шварцманъ. Пріѣхалъ съ портфелемъ, въ которомъ хранилось на 100 тысячъ векселей.

Является въ одинъ торговый домъ.

— Что же не платите по векселямъ! Я ихъ въ судъ передамъ.

— Приходите вечеркомъ, часамъ къ 9, произведемъ наличный расчетъ.

Ровно въ 9 час. вечера повѣренный Шварцманъ отправился въ торговый домъ за наличнымъ расчетомъ. Портфель былъ при немъ. Вдругъ ночная тишина, окутавшая мѣстечко, огласилась страшнымъ воплемъ повѣреннаго: „Караулъ!"

Въ такой поздній часъ крикъ несчастнаго на каушанскихъ улицахъ является поистинѣ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Вой и лай собакъ слился съ криками несчастнаго повѣреннаго.

Оказалось, что какіе-то молодцы подстерегли Шварцмана, избили его и выхватили у него портфель.

На слѣдующій день портфель нашелся, но... безъ каушанскихъ векселей.

Зачѣмъ же, дѣйствительно, векселя, когда валюта по нимъ уже получена наличными.

Каушанскіе дѣловые люди слово „наличныя" производятъ, вѣроятно, отъ двухъ словъ: наличности.

Якъ воны пышуть...

„День" открылъ новый талантъ: таинственнаго писателя Остапа Бондаренко:

Недавно вышла въ „свѣтъ" скромная брошюра подъ заглавіемъ „Опять на хуторѣ".

Брошюра принадлежитъ перу таинственнаго Остапа Бондаренко.

„Остапъ Бондаренко не объясняетъ, почему онъ теперь занялся хуторскимъ хозяйствомъ и мирно сажаетъ капусту. Онъ деликатно молчитъ о причинахъ, пробудившихъ въ немъ любовь къ покою. Но вѣдь это не секретъ. Всей Россіи извѣстно, что Остапъ Бондаренко сталъ Цинцинатусомъ въ тотъ самый моментъ, когда подалъ въ отставку военный министръ генералъ Сухомлиновъ. Остапъ Бондаренко — это alter ego генерала Сухомлинова, его литературная тѣнь, его ночной спутникъ. Звѣзда Остапа Бондаренко восходитъ на литературномъ горизонтѣ, когда меркнетъ сіяніе административной карьеры генерала Сухомлинова. Въ 1898 году Остапъ Бондаренко умолкъ и молчалъ семнадцать лѣтъ. Въ 1915 году онъ заговорилъ снова, какъ только закатилась звѣзда генерала Сухомлинова.

Теперь мы понимаемъ, что у Остапа Бондаренко есть основательные поводы для покоя. Въ его положеніи покой и тишина — это средство забыться, уйти отъ непріятной и шумной жизни, не слышать упрековъ и проклятій, не видѣть негодующихъ взоровъ, не встрѣчаться съ гнѣвными обличителями, съ обманутыми людьми. У Остапа Бондаренко имѣются всѣ основанія избѣгать такихъ встрѣчъ. Вѣдь не случайно онъ — Цинцинатусъ нашихъ дней".

Въ дѣйствительности, однако, оказывается, что Остапъ Бондаренко „не ищетъ забвенія".

„Нѣтъ, нашъ Цинцинатусъ развязно поучаетъ, даетъ совѣты, балагуритъ, болтаетъ, — вообще пребываетъ въ отличнѣйшемъ настроеніи, какъ-будто не надъ его головой стряслась величайшая бѣда, какъ-будто не его называютъ однимъ изъ виновниковъ случившагося".

А мы, въ сущности, не согласны съ газетой „День" и разсуждаемъ такъ:

— Если простой человѣкъ Остапъ Бондаренко грае, грае, воропае, — это ничего. Но когда генералъ Сухомлиновъ гралъ, гралъ и воропалъ — это было плохо и, слава Богу, что это воропанье кончилось.

Пастырское слово.

„Рус. Знамя" поражено назначеніемъ прот. Восторгова членомъ миссіонерскаго совѣта.

„Неужели — спрашиваетъ газета — въ синодѣ забыли отзывъ покойнаго Іоанна Кронштадтскаго, охарактеризовавшаго его однимъ словомъ — мазурикъ.

Большой праведникъ былъ покойный о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Тонкая реклама.

Въ Баку антрепренеръ Амираго, шумно рекламируя постановку оперетки „Мессалинета", по словамъ „Т. и Иск.", въ самомъ текстѣ рекламы заявляетъ:

Постановка этой оперетты вызвала многошумное порицаніе прессы обѣихъ столицъ.

Одного маленькаго человѣка спросили:

— Почему у тебя физіономія такая сіяющая?

— Помилуйте-съ! Сами его пр—во паршивцемъ меня назвали.

Такъ и „Мессалинета": послѣдними словами ее обезчестили, а она, словно именинница, по этому случаю сіяетъ.

Преждевременный дуванъ.

Единственная карта, заслуженная Германіей это — бубновый тузъ; но Германія пока что носится и съ другими картами.

Какъ сообщаетъ шведская газета „Stock. Tid.", во время засѣданій рейхстага по рукамъ депутатовъ ходила новая карта великой (?) Германіи, на которую занесены всѣ „завоеванныя" провинціи. Среди соціалъ-демократической фракціи рейхстага новая карта (изданная въ томъ же берлинскомъ картографическомъ заведеніи, въ которомъ печатаются и карты германскаго генеральнаго штаба) вызвала много насмѣшекъ и раздраженія; зато, въ правительственныхъ партіяхъ (т. е. у большинства рейхстага) одинъ видъ карты вызывалъ сіяющія улыбки.

Такъ какъ бумага все стерпитъ, то автору карты ничего не стоило карандашомъ оттяпать для Германіи всю Бельгію и сѣверную Францію до Булони и вести германскую границу на Реймсъ, Дижонъ, Шацонь, Гренобль. У Италіи для австрійцевъ отхвачена сѣверная Италія, съ городами Туринъ, Миланъ, Веррона и даже Венеція. Сербія, Черногорія, Албанія и Македонія раздѣлены между Австріей и Болгаріей по рѣкамъ Моравѣ и Вардару. Турціи составитель нѣмецкой карты великодушно „отдалъ" юго-восточную Персію и Закавказье съ Тифлисомъ. У Россіи Австріи отрѣзана Бессарабія съ Одессой. Германія же изъ русскихъ „завоеваній" „ограничилась" Польшей, Литвой и Прибалтійскимъ краемъ.

— Ффу! — можетъ сказать Россія. — Дешево отдѣлалась!

До сихъ поръ нѣмцевъ называли „вандалами", „озвѣрѣвшими тевтонами", „гуннами"; впервые они показываютъ себя, какъ самые обыкновенные простодушные дураки.

Причина и слѣдствіе.

Краткая, но внушительная замѣтка изъ „Петроградской Газеты":

П. М. Невѣжинъ, въ день своего 35-лѣтняго юбилея, получилъ массу поздравительныхъ телеграммъ, писемъ и т. д.

Маститый драматургъ захворалъ и слегъ въ постель.

Доѣхали.

Предусмотрительность.

„Никогда не откладывай на завтра того, что можно сдѣлать сегодня"

Жена фабриканта очень своеобразно истолковала это полезное правило.

Въ московскомъ окр. судѣ слушалось исключительное по курьезу дѣло. Жена фабриканта Павлова, страдающая алкоголизмомъ, вообразила въ пьяномъ видѣ, что умерла, и приказала прислугѣ позвонить въ похоронное бюро Александрова и вызвалъ представителя. Послѣдній явился, хотя увидѣлъ, что Павлова жива, снялъ мѣрку, прислалъ гробъ и взялъ съ Павловой въ задатокъ 500 руб. На другой день явился одинъ изъ владѣльцевъ бюро, взялъ еще 1000 р. и заключилъ договоръ, въ которомъ обязался, въ случаѣ смерти Павловой, въ ближайшія 5 лѣтъ, похоронить ее по первому разряду. Когда у Павловой припадокъ запоя прошелъ, она узнала, что натворила, и предъявила къ похоронному бюро искъ о расторженіи договора.

Предусмотрительность гробовщика гораздо симпатичнѣе предусмотрительности г-жи Павловой...

Жизнь, какъ она есть.

Два объявленія изъ столичныхъ газетъ:

1) „Молодая инт. француженка даетъ уроки франц. языка. Входъ безъ швейцара"

2) Котъ-шеншилла ѣздитъ „на визиты"

Насколько котъ-шеншилла простодушнѣе и честнѣе француженки!

Рис. А. Р.

ПОДПИСКА

4-й годъ изданія.

4-й годъ изданія.

НА 1916 ГОДЪ

на еженедѣльный журналъ Сатиры и Юмора

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 номера богато иллюстрированнаго **красочными** рисунками и каррикатурами журнала большого формата. **52**

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. ПРЕМІИ: КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ БЕЗПЛАТН. ПРЕМІИ: **3**

Одну обильно иллюстрированную книгу:

Десять лѣтъ русской конституціи. Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное — что произошло за эти удивительные 10 лѣтъ.

„Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Если когда-нибудь существовало сомнѣнія въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрываютъ лучшія куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте!
Расширеніе умственнаго и научнаго кругозора нашихъ читателей — суть первѣйшая забота руководителей журнала... Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. **ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА,** примѣнительно къ взрослымъ. 2. **ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.** (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значитъ нужно. И нечего тамъ разговаривать). 3. **СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ.** (Даже объ этомъ мы подумали.)

Театръ и все остальное. Альбомъ шаржей. Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

Журналъ „Новый Сатириконъ“ будетъ выходить при слѣдующемъ составѣ сотрудниковъ.

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, Н. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добуженскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми)) Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгеръ Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко, В. Азовъ, А. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, Евг. Вѣнскій, А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянскій, Осипъ Дымовъ, Е. Дольскій, Е. Зозуля, А. Измайловъ, А. П. Каменскій, В. В. Князевъ, Красный, А. И. Купринъ, Г. Ландау, В. Маяковскій, К. Милль (Полярный), Сергѣй Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Оръ, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, М. Я. Пустынинъ, А. Радаковъ, Борисъ Садовскій, гр. Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, В. Черній, Георгій Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 6 р. 80 коп., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ **8** руб., на ½ года **4** руб., на 3 мѣс. **2** руб., на 1 мѣс. **70** коп.
За границу: на годъ **12** руб., на ½ года **6** руб., на 3 мѣс. **3** руб., на 1 мѣс. **1** руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **3** р., къ 1 мая **2** р., къ 1 іюля и 1 сент. по **1** р. **50** к.

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ **2** руб. и ежемѣсячно каждое 1-ое число по **50** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Тел. 59-07.

Редакторъ:
Аркадій Аверченко.

Издатель:
Т-во „Новый Сатириконъ“.

ВРЕМЯ — НЕ ДЕНЬГИ.

Изнемогая отъ лютаго голода бремени,
Я вспомнилъ изреченіе одно:
«Время — деньги . . .» У меня же было такъ много времени!
И такъ какъ время и деньги — это все равно, —
Я, жажду жизни вдругъ почувствовавъ страстную,
Побѣжалъ въ первоклассную
Колбасную
И купилъ: итальянское салями,
Охотничьи сосиски,
И, — презирая мысль о всякомъ рискѣ
И не тревожась о послѣдствіяхъ ничуть,
Приказалъ завернуть —
(Приказчики удивлялись сами!) —
Буженины,
Солонины,
Телятины,
Курятины,
Затѣмъ взглядъ мой зоркій
Отыскалъ тетёрки,
Затѣмъ просилъ я завернуть поскорѣй —
Глухарей!
И если бъ даже счетъ равнялся . . . милліарду,
Я все же повелѣлъ бы завернуть мнѣ также и пулярду!
Что не хватитъ за все заплатить, — во мнѣ не рождалась тревога:
«Время — деньги», а времени у меня — много!
Хватитъ на весь мой вѣкъ! . .
Получивъ чекъ,
Я подошелъ къ кассѣ,
Но откуда только у кассирши дерзость взялася? —
Я напомнилъ ей изреченіе:
«Время — деньги», но на нее произвело оно странное впечатлѣніе,
И хоть объяснялъ я — довольно толково, —
Она распорядилась позвать городового! . .
Въ части просидѣлъ я долго, хоть и не разсчитывалъ попасть
Въ часть . . .
И былъ я очень сконфуженъ . . . —
Такъ не удался мнѣ мой лукулловскій ужинъ! . .
И былъ раздосадованъ я до смерти!
И билъ себя кулаками по темени! . .
. . . Вы всѣ, голодные и нищіе, у кого такъ много времени,
Изреченію: «время — деньги» — не вѣрьте!!!

Михаилъ Пустынинъ.

Рис. В. Л.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятыя рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Бронная. — М. Д. Д. — „Посылаю вамъ стихи, хоть и знаю, что на стихахъ далеко не уѣдешь“.

Нельзя разсматривать стихи, какъ средство передвиженія... А тѣмъ болѣе ваши:

Склонился дубъ къ тростиночкѣ
И говоритъ онъ ей:
„Ты точно на картиночкѣ,
Люблю тебя, ей-ей“.

Типичный дубовый разговоръ.

Б. Провинція.

Севастополь. — Пачаджи. — Въ выборѣ своихъ родственниковъ г. Пачаджи не особенно разборчивъ:

Мой отецъ — булатный ножъ,
Моя мать — винтовка,
Братъ мой — бѣлый конь лихой.
А жена — чертовка!

Къ сожалѣнію, мы не можемъ допустить въ нашемъ журналѣ сотрудничества человѣка, находящагося въ столь близкомъ родствѣ съ лошадью.

Елисаветградъ. — Б. Оллего. — Должны васъ огорчить: у монаховъ на головѣ не каблукъ, какъ вы пишете, а клобукъ. Смѣшивать голову съ ногами да еще у духовнаго лица — недостойно такого хорошаго писателя, какъ вы. Кромѣ того, невозможно „кивнуть лбомъ“ (стр. 7). Попробуйте сами это продѣлать — обязательно кивнетъ вся голова. Такое уже у насъ съ вами физическое устройство и съ этимъ надо примириться.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ“.**

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Салонъ Ея Свѣтлости Русской Литературы

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ и художественныхъ магазинахъ

БОЛЬШАЯ МНОГОКРАСОЧНАЯ

КАРТИНА-ШАРЖЪ ХУД. РЕ-МИ

на современныхъ литераторовъ.

На карикатурѣ изображены: 1) А. Измайловъ. 2) І. Ясинскій. 3) П. Боборыкинъ. 4) И. Потапенко. 5) П. Невѣжинъ. 6) Георгій Чулковъ. 7) Сергѣй Городецкій. 8) В. Трахтенбергъ. 9) А. Рославлевъ. 10) Корнѣй Чуковскій. 11) Леонидъ Андреевъ. 12) Гр. А. Толстой. 13) А. Волынскій. 14) Борисъ Лазаревскій. 15) Анатолій Каменскій. 16) А. Купринъ. 17) Н. Брешко-Брешковскій. 18) Алексѣй Ремизовъ. 19) А. Будищевъ. 20) В. Дорошевичъ. 21) Юрій Бѣляевъ. 22) М. Кузьминъ. 23) Вас. Немировичъ-Данченко. 24) Скиталецъ. 25) Аркадій Аверченко. 26) Тэффи. 27) Семенъ Юшкевичъ. 28) Валерій Брюсовъ. 29) В. Короленко. 30) Ѳедоръ Сологубъ. 31) Осипъ Дымовъ. 32) Максимъ Горькій. 33) К. Бальмонтъ. 34) В. Розановъ. 35) Вячеславъ Ивановъ. 36) Д. Мережковскій. 37) Д. Философовъ.

Размѣръ карикатуры 80×35 с./м.

Картина отпечатана на лучшей полотняной бумагѣ въ тип. Р. Голике и А. Вильборгъ.

Цѣна карикатуры 3 руб.

АВТО-ШИНЫ

ЕЛКА

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

КОНЕЦЪ КАРНАВАЛА ОБЫВАТЕЛЯ ВЪ ДУРАЦКОМЪ КОЛПАКѢ.

Рис. Ре-ми.

Господа во фракахъ: — Тише, тише, товарищи! Уйдемъ, пока не проснулся...